

Человек

Кто-то презрительно называет таких людей наивными везунчиками, кто-то решает «делать с них жизнь». И те, и другие соглашаются: именно этим интеллектуалам-идеалистам История часто сдает козырные карты.

На этой странице — две судьбы, объединенные таким «благословением». И Роман Кармен, и Томас Лоуренс считали себя в равной степени и творцами, и бойцами. Их битвы шли на разных фронтах — но оба добровольно выбрали свое поле боя.

Роман с острым сюжетом

О безумстве храбрых, любви и партии

29 ноября Роману Кармену исполнилось бы 95. Каждый раз в ночь на 29-е я набирал номер его телефона — звонил из Гаваны, Лимы, Панамы, отовсюду, где бы ни оказался в этот день и час. В Москве было всего часов шесть утра, но я знал: он уже на ногах. И каждый раз в трубке раздавался его взволнованный, чуть растерянный хриловатый голос: «Спасибо, сынок...» Вот уже 24 года звонить некому.

Александр КАРМЕН

Он ушел в преддверии перемен, перевернувших его страну, ту, которую он строил, созидал, защищал — по-своему, насколько это позволяло его место интеллигента, выдающегося деятеля культуры, киношника, писателя, репортера, публициста, летописца XX века. Он ушел как солдат. Последним окопом его последней, фактически уже выигранной им войны стала 20-серийная телефильм о нашей Великой Отечественной, «неизвестной» для закавказско-американцев войне. Оставался лишь последний залп, последний бросок, последний рубеж, последний штрих... Знамя победы водрузили его однополчане.

Истоки его мировоззрения — в семье. Его отец, Лазарь Осипович, журналист и писатель, занимает видное, не оцененное по достоинству место в плеяде творческой интеллигенции, выросшей на одесской земле. «Имя Кармена, — писал о нем Валентин Катаев, — сделалось широко популярно и вошло в ряд известных писателей того времени». Его по праву называли «одесским Горьким» — за восхитительные, полные лиризма и драматичности повести и рассказы о тех, кого называют «простыми людьми», — портретов тружеников, пролетариев и люмпенов, торговцев и беспризорных детей, за его по-снайперски меткие и емкие зарисовки городской жизни, репортажные хроники потрясших весь мир «потемкинских» событий и за многое другое.

Мой отец был вращен в атмосфере активного творчества, в окружении людей, чьи имена стали гордостью нашей культуры, — Бабеля, Бунина, Паустовского, Олеша, Корнея Чуковского... А когда Лазарь Осипович подарил ему маленькую фотокамеру, это стало символическим стартом пути, который сделал Романа Кармена тем, кем он стал, — тоже великим, тоже гордостью нашей культуры.

Он не раз называл себя «верным слугой партии», говорил, что принадлежность к ней помогает ему творить более полномерно. И это было искренне... с небольшой поправкой: слово «партия» толковалось им гораздо шире, в него вкладывалось все, что нас окружало, — наша страна, народ, наша история, то будущее, за которое столько поколений сражались, шло на подвиги, погибало.

Конечно же, Роман Кармен верил в правоту идеи освобождения людей от насилия, произвола и эксплуатации — в любом их проявлении: духовном, экономическом, национальном, расовом, политическом. Но он никогда не был и «слепым орудием партии». Как все настоящие художники той поры, он принимал установленные в стране правила игры номенклатуры с представителями творческой интеллигенции, но никогда не мирился с теми, кто превратил эти красивые, гуманные идеи в кормушку, принадлежность к которой давала им право быть черберами охранниками огромного, скроенного по их же меркам лагеря.

Он прошел через горнило всех этапных для России событий минувшего века. Репортер, начавший свою войну с фашизмом в Испании, он «с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом» (и с неизменной кинокамерой «Аймо») прошел почти все фронты Великой Отечественной. Он снимал под Москвой, в блокадном Ленинграде, в Сталинграде, на Висле и Шпрее. Он первым снял концлагерь Майданек, первым из кинооператоров ворвался на броне нашего танка в Берлин. Он снимал из-за спины маршала Жукова подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии и весь, от звонка до звонка, Нюрнбергский процесс.

Почему его не репрессировали? Можно только гадать. Говорили, что Сталин «не трогал киношников». Возможно. Но это не главное, ведь отец, ко всему прочему, был в Испании, а после Испании, как известно, уничтожили столько людей! Уж какой известной фигурой был Михаил Кольцов, и тот погиб в этой мясорубке. Потом сам Сталин относился к отцу «положительно». Правда, и это никогда не было надежным щитом, но всё же. И еще — мои родители были очень дружны с детьми Сталина, Василием и Светланой.

После исчезновения Михаила Кольцова отец понял, что снаряды стали ложиться слишком близко, и тогда он попросту «сбежал». Сначала улетел на Север на поиски пропавшего летчика Леваневского. Там, на Земле Фран-

ца-Иосифа, попал в многомесячную зимовку. Потом, вернувшись в Москву, воспользовался первой же возможностью и снова «смылся». На этот раз в Китай — представился уникальный шанс на целый год поехать кинооператором «к Чан Кайши», снимать войну китайцев с японскими оккупантами, а желающих было, мягко говоря, немного: после Испании люди уже стали побаиваться за границы. Вот он и предложил свои услуги, улетев подальше от этой мясорубки.

Как относился Роман Кармен к Сталину — тоже непростой вопрос, нередко всплывающий в разговорах об отце. По-моему, он очень скоро понял, что «Усы» (так он называл Сталина) знал обо всем, что творилось в стране. В разгар репрессий отец был на Севере и в Китае. А потом пришла война, имя Сталина стало символом сопротивления агрессору и победы. Размышления о причинах катастрофы пришли позже. Так что образ вождя складывался у Кармена из сложной и противоречивой мозаики эмоций, правды и лжи, страха и восхищения, пропаганды, общего мировоззрения и личного опыта. Отец не был приближенным к суверену, но, идя на съемки в Кремль, не исключая, что и он испытывал тот особый душевный трепет, который охватывает человека, прикасающегося к чему-то исключительному, недосягаемому, запретному. Как одну из реликвий отец хранил фотографию, на которой он запечатлен снимающим встречу Сталина с передовиками труда. Но любви к нему не было. Это точно. Когда Сталин умер, я застал отца за очень странным занятием: он истово рвал все газеты и журналы с его фотографиями и со снимками похорон. Я спросил — зачем? Он ответил: «Скоро узнаешь сам».

Роман Кармен был очень «везучим» человеком. За что ни брался, все у него получалось. Кстати, кое-кто утверждает, что благодаря этому везению он и не попал под косяк сталинских репрессий. Единственное, с чем ему «не везло», это с женами. Первая ушла от него к видному дипломату, со второй, моей мамой, он развелся сам, третья фактически покинула его в самый трудный период его жизни — во время работы над «Неизвестной войной». С мамой он прожил дольше всего — более двадцати лет. Это были годы и счастливые, и непростые. Память хранит массу прекрасных моментов их жизни, полных светлой радости, нежности и любви. Но было и другое. Отец ведь был трудолюбивым, работал от зари до зари,

Роман Кармен — хроникер Великой Отечественной войны

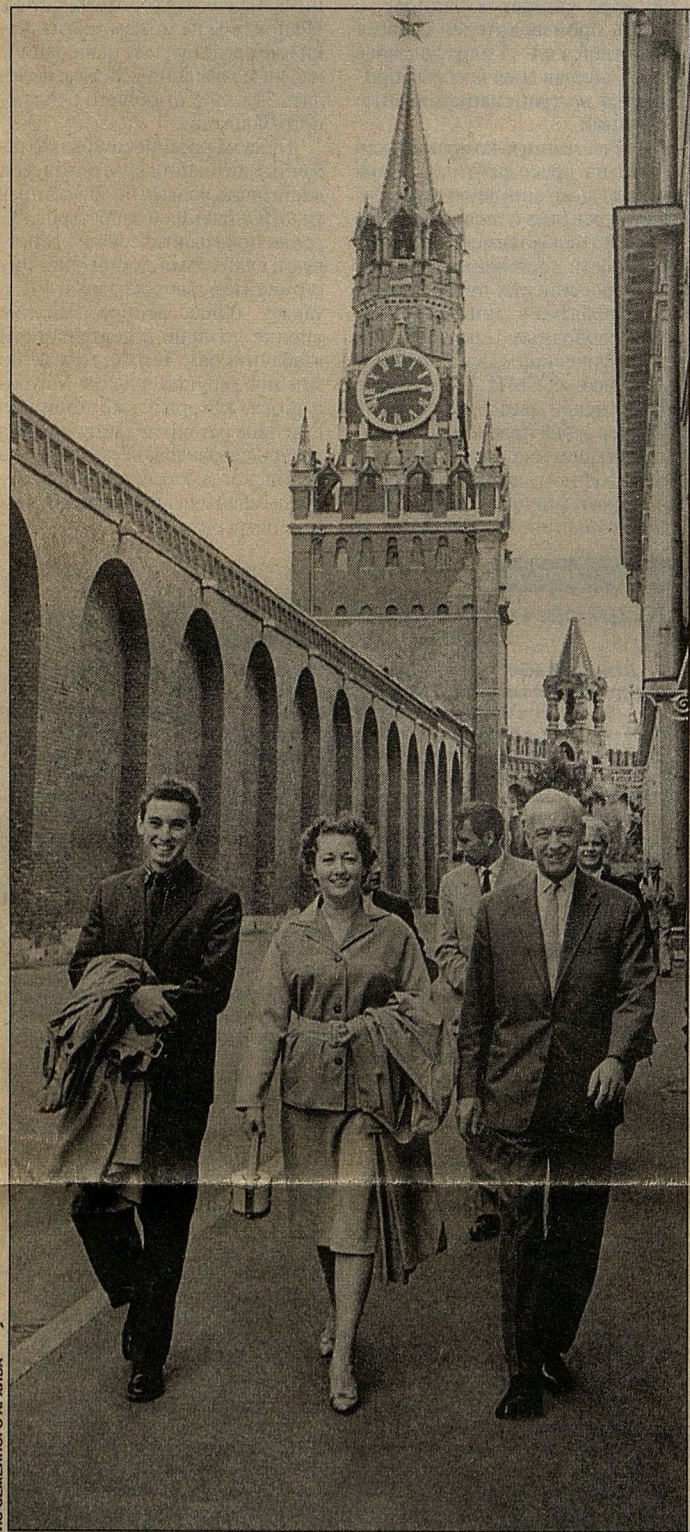
часто и подолгу находился в командировках. Какая семья выдержит такие испытания! Он пользовался вниманием женщин, за мамой тоже ухаживала, как тогда говорили, «вся Москва». Масса сплетен крутилась вокруг нашего дома, подтачивая его устои. Конечно был логичным: они разошлись. А за пять лет до своей кончины отец попросил меня свозить его на ее могилу. Потом сказал мне: «Она была в моей жизни единственной любимой женщиной. Все остальное — стечение обстоятельств». Я поверил ему...

Хочу коснуться одной деликатной стороны — отношений Василия Сталина с моей семьей. Еще со школьных лет Василий был безнадежно влюблен в мою маму, одну из самых красивых женщин Москвы. Он даже обвинял ее в том, что, мол, из-за неразделенной любви у него не сложилась семейная жизнь, что он пристрастился к алкоголю. У моих родителей с Василием сложилась долгая дружба, продолжавшаяся вплоть до 50-х годов. Однако кому-то понадобилось и тут распустить слухи о на самом деле не существовавшем «романе» моей мамы с Василием Сталиным. Чего только ни нагородили тогда вокруг той «клубнички»! Между прочим, сплетню эту раскручивают до сих пор. Она была, наверное, самой безобидной из тех, что буквально обрушивались на отца и нашу семью. А сколько наветов и доносов преследовало его вплоть до самых последних дней и часов!

Необычайно талантливого человеку, неутомимому труженику, стремившемуся помочь всем незаслуженно обиженным, особенно из числа коллег-кинематографистов, Роману Кармену постоянно приходилось отбиваться от завистников и недоброжелателей,

от чиновничьей тупости и невежества. На него писали и на Лубянку, и в ЦК КПСС, мстили ему за то, что он такой — умный, красивый, смелый, талантливый, всемирно известный. Эта пошлая месть Кармену продолжалась и после его ухода. Достаточно упомянуть общеизвестный факт — расправу с его квартирой в доме на Котельнической набережной, и другой, известный только мне и моей семье, — как уже в 1997 году, благодаря тому же произволу московских чиновников, захватили и перекроили часть его квартиры на Большой Полянке, где после трагедии в Котельниках я намеревался сделать небольшой частный музей памяти отца.

Но есть немало и светлых моментов. Его помнят и ценят по всему миру, его «Неизвестная война» идет на наших телеэкранах, во Франции скоро выйдет большой фильм о нем. Вся жизнь Романа Кармена была пронизана, как не раз говорил он сам, «цепью символических событий», лепивших его мировоззрение, выковавших из него репортера, бойца передового окопа. Ему нравились сильные, героические личности — те, кто, по его словам, «живет не во имя личной славы и благополучия, а выбирает трудные и опасные дороги». Он вообще преклонялся перед «безумством храбрых» во всех его проявлениях — будь то революционеры далекой Латинской Америки, наши военные-интернационалисты, полярники, разведчики, космонавты или герои труда. Он был из поколения пассионариев, тех, для кого не бывает «чужого горя». Его любили и высоко ценили все, кому довелось испытать счастье работы с ним, кто по сей день гордится дружбой с ним, кто бережно хранит память о нем.

1960 год. Роман Кармен получил Ленинскую премию

Счастливый семейный момент Карменов в доме на Большой Полянке